Оба его руководители: Вл. И. Немировичъ-Данченко и К. С. Алексѣевъ-Станиславскій—какъ разъ представляютъ собою двѣ стороны всего дѣла: литературно-творческую (съ преобладанiемъ къ менѣе виртуозному импрессiонизму исполненiя) и ту, гдѣ исканiя идутъ всего больше въ области великихъ произведенiй и эффектовъ виртуозной постановки.

Сочетанiе этихъ двухъ теченiй въ нѣчто высоко-гармоническое—вотъ что Художественному театру предстоитъ выполнить!..

П. БОБОРЫКИНЪ.

Раннее утро!

К. С. Станиславскiй.

Сегодня исполняется 10 лѣтъ со дня первой постановки Художественнаго театра: 14 октября 1898 г. шелъ „Царь Ѳеодоръ" на сценѣ театра „Эрмитажъ", гдѣ сейчасъ подвизается фарсъ.

Начало Художественному театру было, собственно, положено еще лѣтомъ 1898 г. подъ Москвой, въ дачной мѣстности Пушкино. Тутъ въ небольшомъ дачномъ театрѣ, названномъ „Художественно-общедоступнымъ театромъ", лицедѣйствовали вдохновители Художественнаго театра, К. С. Станиславскій и В. И. Немировичъ-Данченко, положили начало новой, какъ они понимали, постановкѣ пьесъ.

Дачный театральный сезонъ въ Пушкинѣ кончался, почва была, такъ сказать, вспахана, и слѣдствiемъ этого было образованiе въ Москвѣ „Товарищества для учрежденiя общедоступнаго театра въ Москвѣ". Возглавъ дѣла стали тѣ-же Станиславскiй, Немировичъ-Данченко и группа сочувствующихъ идеѣ лицъ, пришедшихъ на помощь матерiальной поддержкой.

Въ основу новаго дѣла инцiаторами его были положены главными принципами: общедоступность, художественность исполненiя и поддержка молодыхъ сценическихъ силъ.

Заслуживаетъ, между прочимъ, быть отмѣченнымъ отношенiе къ новому предпрiятiю городского управленiя. Оно отказало ему въ какой-либо матерiальной поддержкѣ, несмотря на ходатайство организаторовъ театра... Тѣмъ болѣе, понятно, послѣднiе могутъ гордиться сегодня своими самостоятельно достигнутыми результатами.

Исполненiемъ „Царя Ѳеодора" Художественный театръ сказалъ сразу „новое слово".

Вслѣдъ за постановкой „Царя Ѳеодора" Художественный театръ въ тотъ-же сезонъ поставилъ: „Шейлока", „Потонувшiй колоколъ", „Самоуправцевъ" Писемскаго, „Счастье Греты" Маріотта, „Трактирщицу" Гольдони и наконецъ, „Антигону" и „Эдду Габлеръ" Ибсена.

Но самымъ рѣшающимъ моментомъ въ жизни театра былъ спектакль 17 декабря 1898 г. Въ этотъ вечеръ Художественный театръ поставилъ „Чайку" Чехова, которая незадолго передъ тѣмъ провалилась въ Петербургѣ на сценѣ казеннаго Александринскаго театра. Художественный театръ оказался на высотѣ. Онъ далъ Чеховскую Русь". И публика, слившись во-едино съ толкователями Чехова, потребовала посылки телеграммъ А. П. Чехову.

Въ дальнѣйшемъ Художественный театръ связывается непосредственно съ работу съ именемъ Чехова.

Слѣдующiя постановки Художественнаго театра въ хронологическомъ порядкѣ: „Дядя Ваня", „Одинокiе", „Смерть Iоанна Грознаго", „Иванова" Гнедича, „Три сестры", „Докторъ Штокманъ", „Снѣгурочка", „Когда мы, мертвые, пробуждаемся", „Михаилъ Крамеръ", „Дикая утка", „Въ мечтахъ" Вл. Ив. Немировича-Данченко, „Мѣщане" и „На днѣ"— Горького, „Иванъ Мироновичъ" Гнедича, „Блудный сынъ" Найденова, „Вишневый садъ", „Юлiй Цезарь", „Драма жизни" Гамсуна, „Отцы и дѣти" Тургенева, „Борисъ Годуновъ", „Горе отъ ума" и, наконецъ, послѣднiя новыя постановки— „Жизнь человѣка" Андреева и „Синяя птица" Метерлинка.

Въ 1900 г. Художественный театръ совершилъ первую поѣздку изъ Москвы—въ Ялту и Севастополь, гдѣ далъ съ громаднымъ успѣхомъ рядъ спектаклей. Въ 1905 г., когда, вслѣдствiе извѣстныхъ событiй, театральная жизнь въ Россiи замерла, Художественный театръ использовалъ вынужденный перерывъ въ своей дѣятельности поѣздкой за границу. Театръ посѣтилъ Берлинъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Прагу, Вѣну, Карлсруэ, Франкфуртъ, Висбаденъ, Диссельдорфъ и Ганноверъ. Спектакли были поставлены еще на пути и въ Варшавѣ.

Въ послѣднiе сезоны Художественный театръ гастролируетъ во время постовъ въ Петербургѣ.

Раннее утро!

„Въ Москву!"

(По поводу 10-лѣтiя Художественнаго театра).

Между страницъ стараго университетскаго учебника, случайно раскрытаго въ часы одиночества и скуки, встрѣтилась мнѣ зеленая бумажка, сложенная вчетверо.

Что это? Афиша? Какъ она попала сюда? Почему удержала?

Не помню.

Я развернулъ. Афиша была 1902 года, Художественно-общедоступнаго театра. Въ репертуарѣ значились: „Дядя Ваня", „Докторъ Штокманъ", „Одинокiе" и—тогда еще новинка— „Три сестры".

Я прочиталъ ее съ начала до конца... Какое-то чувство тихой радости и какой тихой грусти зашевелило сердце. Волной нахлынули воспоминанiя недавнаго, еще не совсѣмъ со сцены, но уже отодвинутаго идеалъ лица и картины вновь ожили и стали манить и по-прежнему ласкать воображенiе.

То было въ дни „весны". Грустилъ поэтъ.

Въ тѣ дни разгорался новый свѣточъ искусства—Художественный театръ.

Скоро судьба меня закинула въ глухую провинцiю. Тѣмъ временемъ буря промчалась. Отголоски ея дока-

тались и до нашей уѣздной глуши.

Потомъ опять настали будни.

И вотъ, порой набѣжитъ тоска, защемитъ сердце, и потянетъ неотразимо—

„въ Москву! въ Москву!"

И въ этомъ тоскливомъ, почти отчаянномъ порывѣ упорно пробивается одинъ мотивъ—вновь пережить тѣ чудныя настроенія, которыя тогда въ скромномъ храмѣ искусства овладѣли юной душой, жадно искавшей правды—истины, правды—справедливости, правды—красоты.

Вспоминаются треволненія студенческой жизни тѣхъ лѣтъ, путешествія на дешевыхъ билетахъ въ Каретный рядъ, въ Художественно-общедоступный театръ (его называли второмъ университетомъ), ночныя дежурства, неподдѣльная радость въ случаѣ удачи и горе тѣхъ, кому не достанется...

Первая пьеса, на которую я попалъ, была „Дядя Ваня". Я видѣлъ ее только одинъ разъ. Минуло восемь лѣтъ, а какъ-будто я вчера смотрѣлъ ее. Помню детали декорацій, отдѣлки, незначительныя положенія... Кончаетъ, вынося доктора Астрова къ больному, свечокъ, частица на вышку, букетъ, упавшій изъ рукъ дяди Вани, звонки уѣзжающихъ—все это живо рисуется въ памяти...

Въ ушахъ еще звучитъ:

„... работать! работать!"

— и усталое, мечтательное:

„Я вѣрую!.. Я вѣрю!... Мы отдохнемъ!"

Какъ сейчасъ, передъ глазами вторая представленія „Доктора Штокмана" и „Трехъ сестеръ"... Неудержимо рушійся восторгъ зрителей, сплошной гулъ аплодисментовъ и криковъ, общее одушевленіе, привѣтствія...

Это былъ грандіозный энтузіазмъ массы, вызванный согласнымъ дѣйствіемъ двухъ силъ: правдою художника-писателя и правдою художника-актера.

Вторыя представленія опредѣлили успѣхъ пьесы. Занимавшая первыя мѣста молодежь являлась чуткимъ критикомъ. Оцѣнка ея создавалась непосредственно, единодушно. Одно и то-же стремленіе объединяло и этихъ зрителей, и этихъ актеровъ. Исканіе правды воспитывало еще не надломленныя души противъ ложной и мрачной дѣйствительности; оно-же влекло ихъ къ общенію со всякимъ свѣтлымъ починомъ. Исканіемъ правды была проникнута и сцена Художественно-общедоступнаго театра.

Пути сходились.

Вспоминается мнѣ эпизодъ съ Горькимъ, отчитывавшимъ въ фойе восторженныхъ поклонниковъ:

— Что вы разглядываете меня, словно балерину?..

Вспоминается обаятельный, кроткій обликъ Чехова...

Молодежь радовалась близости тѣхъ, кто властвовалъ надъ ея думами и отражалъ ея стремленія, ея мечты.

Какая-то особенная серьезность и проникновенность царили въ этомъ театрѣ среди зрителей надежныхъ рядовъ. Раздевшись налегкѣ, и всѣ сначала долгомъ соблюдать тишину. Опоздавшимъ на мѣста приходилось сидѣть въ проходахъ. Со-временемъ такой порядокъ вошелъ въ правило, санкціонированное администраціей театра.

Когда порою идешь, въ глушь, въ минуты скуки защемитъ сердце тоскливымъ лицемъ, отрадной и бодрой мечтой и потянетъ въ родную Москву, непремѣнно вспомнишь образъ Художественно-общедоступнаго театра, такой-же чистый, благой, неотразимый, какъ образъ необозначенаго творца „Дяди Вани", „Трехъ сестеръ" и „Вишневаго сада".

Глаза мои остановились на афишѣ. Я торопливо сворачу ее, положимъ на старое мѣсто и запрячу книгу.

— Сѣмкину,—сказалъ я.

Черезъ мѣсяцъ я увидѣлъ „Синюю птицу".

В. Ѳ. Г.

Пусть живо

Plusquamperfectum.

Это было давно.

Такъ давно, что я даже не сумѣю сказать точно, когда это было.

Помню только, что я былъ тогда въ младшихъ классахъ гимназіи, носилъ уродливое кепи и мундирчикъ со сѣдѣлыми пуговицами, вѣчно измазанными чернилами, и еще, что министромъ просвѣщенія былъ тогда графъ Толстой.

Были святки, по московскимъ домамъ ходили ряженые. Обыкновенно пестрая ихъ толпа шумно врывалась въ квартиру, мало-помалу начинала конфузиться, робѣть и, въ концѣ-концовъ, принимала къ отпускамъ и притолокамъ, какъ прилипаютъ мухи къ клейкой бумагѣ.

Къ намъ въ домъ тоже пріѣхала компанія ряженыхъ.

Подъ торжественную музыку вошли рядами мрачные темные капуцины съ закрытыми лицами.

Нѣчто въ родѣ религіозной процессіи, производимой совсѣмъ не святочное впечатлѣніе.

Вдругъ среди темныхъ сутанъ мелькнуло что-то огненно-красное, и передъ нами въ черной полумаскѣ предсталъ Мефистофель.

Старинный, шабловный, оперный Мефистофель въ беретѣ съ двумя красными перьями, съ эспаньолкой и торчащими усами.

Музыка оттѣнила появленіе дьявола мотивомъ изъ Фауста.

Монахи, между тѣмъ, продолжали свое шествіе. Мефистофель корчился отъ ихъ святости, забѣгалъ впередъ и старался соблазнить святыхъ отцовъ.

Всякое его движеніе было обдумано, красиво и выразительно.

Юношескій станъ строенъ и гибокъ.

Непривычные къ художественному тогдашняя публика затаила дыханіе и выпучила глаза, а чортъ продолжалъ извиваться ужей и все настойчивѣе приставалъ къ монахамъ.

Въ нихъ стала замѣтна неувѣренность, они видимо, колебались.

Но вотъ Мефистофель выпрямился и сѣдлалъ злостное колдовское движеніе.

Темныя сутаны сдвинулись съ капуцинокъ. Часть ихъ превратилась въ миловидныхъ балеринъ въ тарлатановыхъ юбочкахъ, часть—въ балетныхъ молодыхъ людей въ яркихъ костюмахъ.

Начался общій балетъ, постепенно перешедшій въ какой галопъ, отъ котораго публика пришла въ неописуемый, шумный восторгъ.

Усталый Мефистофель сбросилъ маску съ разгоряченнаго лица, и всѣ узнали Костю Алексѣева, ученика одного изъ старшихъ классовъ Лазаревскаго института.

Капуцинами оказались его школьные товарищи.

Такомъ былъ первый дебютъ Константина Сергѣевича Станиславскаго въ роли актера и режиссера.

Въ Москвѣ нѣтъ дѣтей спустя еще говорили объ его удачномъ дилетантскомъ.

МАТОВЪ.

Юбиляры и тріумфаторы.

Такого торжества, которое приготовлено сегодня для Художественнаго театра, не было никогда ни у одного театра въ Россіи.

Вряд ли выпадало такое поднятое чествованіе и на долю отдѣльныхъ артистовъ, литераторовъ, художниковъ, общественныхъ дѣятелей.